

Проблема выявления политической реальности в документах О.Э. и Н.Я. Мандельштамов о М.Б. Вольфсоне, В.И. Нарбуте, Н.И. Бухарине

© 2020, Л.Ф. Кацис

Аннотация: Работа посвящена анализу статей О.Э. Мандельштама «Потоки халтуры» и «О переводах» в широком литературно-политическом контексте 1920–1930-х гг. Автор сопоставляет эти статьи с работой и публикациями руководителя советской политической цензуры М.Б. Вольфсона (1880–1932), члена правления и главного редактора Госиздата РСФСР, имя которого не раз встречается в письмах Мандельштама. Анализ официальных контактов Мандельштама с руководством советских идеологических органов позволяет пролить новый свет на происхождение и смысл антисталинской «эпиграммы» «Мы живем, под собою не чуя страны...» В частности, в статье выявляется прямая отсылка к статье Мандельштама «Потоки халтуры» в книге М.Б. Вольфсона 1929 г. «Пути советской книги», где автор, с одной стороны, подводит итоги нэповского периода истории советского книгоиздания, а с другой — ставит задачу новой тотальной централизации книгоиздания как важнейшего участка идеологического фронта. Проведенное исследование позволяет вписать посвященные, на первый взгляд, исключительно проблеме перевода статьи поэта «Потоки халтуры» и «О переводах» в политический контекст второй половины 1920 — начала 1930-х гг. Сделанные на основе анализа наблюдения и выводы дают возможность существенно скорректировать сведения об этом периоде в биографии Мандельштама, которые содержатся в воспоминаниях его вдовы Н.Я. Мандельштам.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, Н.Я. Мандельштам, М.Б. Вольфсон, Д.И. Заславский, В. Нарбут, политцензура, переводы

Информация об авторе: Леонид Фридович Кацис, д.ф.н., Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия. E-mail: litfact@gmail.com

Цитирование: *Кацис Л.Ф.* Проблема выявления политической реальности в документах О.Э. и Н.Я. Мандельштамов о М.Б. Вольфсоне, В.И. Нарбуте, Н.И. Бухарине // *Литературный факт.* 2020. № 1 (15). С. 310–341. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-310-341

Вопрос о разделении источников сведений о Пушкине на достоверные и недостоверные — давняя забота пушкинистов. Если в отдельных случаях погоня за сенсациями и приводит к использованию непроверенных и недостоверных источников, то усилия подлинной науки в этой области, как правило, направлены на выявление апокрифических и псевдодокументальных данных и на изгнание их из корпуса пушкинианы. Признавая критику источников краеугольным камнем всякого исследования, мы хотели бы лишь обратить внимание на то, что само понятие «достоверности» обладает известной относительностью. И безусловное доверие к «достоверным» источникам и столь же категорический отказ от использования «недостоверных» могут привести к нецелесообразным решениям.

*Лотман Ю.М. К проблеме работы
с недостоверными источниками¹*

Среди личных и автобиографических материалов, связанных с жизнью и творчеством Осипа Манделъштама, практически неизученным остается, пожалуй, самый многочисленный и многостраничный из сохранившихся — переписка поэта с женой 1925–1930 гг. Впрочем, эти материалы так или иначе использованы в позднейшей мемуаристике Н.Я. Манделъштам.

Большую часть этого времени Н.Я. Манделъштам лечилась в Крыму и Киеве, а О.Э. Манделъштам активно работал в Ленинграде, занимаясь переводами, театральной критикой и т.д. Поэтому и переписка, помимо обязательных вопросов о здоровье, финансовых проблемах, семейной жизни Манделъштамов и Хазиных, содержит массу деловой и политической информации, без которой невозможно понять ни так называемое «Дело Уленшпигеля», ни тем более «Четвертую прозу», не говоря уже об обстоятельствах и причинах написания «Мы живем, под собою не чуя страны...».

В этой переписке на недолгое время конца зимы — начала весны 1926 г. появляется имя М.Б. Вольфсона. Приведем все эти упоминания в письмах поэта:

¹ Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 324.

1. 12.02.1926. В Ленгизе мне идут навстречу. Между прочим, для контроля над редсектором здесь назначен из Москвы Вольфсон, старый «дядя-одессит», с которым у нас приятельство. Это важная шишка. Я затащил его к Горлину, и кое-что он мне устроил.

2. 14.02.1926. Эти дни я усердно стенографирую и диктую. Осталось 17 страниц: бр! бр! Завтра конец. Потом всей энергией на Горлина и Вольфсона, чтоб поскорей пустили меня к тебе...

3. 17.02.1926. Хочешь знать, что у меня намечается: Горлин проводит для меня одну забракованную книгу с поддержкой Вольфсона.

4. 18.02.1926. Сегодня, Надик, у меня в Гизе хороший поворот. Приехал Вольфсон. Сначала положил резолюцию на договор, минуя Москву. Потом с Горлиным решили всё-таки оформить в Москве (это займет 10 дней)...

5. 05.03.1926. Подробности дел: в Гизе ломают голову, как дать мне работу. Вольфсон (политредактор из Москвы) на будущей неделе предлагает съездить с ним в Москву, извиняясь, что едет в жестком вагоне: «Мы для Вас что-нибудь придумаем».

6. 09.03.1926. Пока еще нет новой работы. Но Горлин как родной: он пришел ее, а затем, возможно, — Москва мне даст или даже здесь Ангерт² с Вольфсоном.

7. 12.03.1926. Горлин советует мне съездить с Вольфсоном в Москву протолкнуть одну из книг. [...] Завтра утром я иду к Горлину инструктироваться для Москвы и условиться с моим спутником³.

Все эти письма охватывают ровно один месяц жизни и переписки Осипа Мандельштама, поэтому и комментарий к имени М.Б. Вольфсона, несмотря на слова поэта, что он «важная шишка», ограничивается самыми простыми сведениями: Вольфсон Мирон Борисович (1880–1932), член правления и главный редактор Госиздата РСФСР⁴. Более того, в Летописи жизни и творчества О. Мандельштама составитель цитированного трехтомника имя Вольфсона умудрился обойти⁵.

² Похоже, речь идет о сотруднике Ленотгиза, что важно для нас и чисто хронологически, как станет ясно позже, поэтому даем справку о нем более полную, чем в Полном собрании сочинений: «Ангерт Давид Николаевич. Родился в 1891 г., Елизаветград Херсонская г.; б/п; Ленотгиз, зав. ФЭО. Проживал: Ленинград, Лиговка 58-8. Арестован 18 января 1931 г. Приговорен: КОГПУ 23 августа 1931 г., обв.: 58-7. Приговор: 10 лет лишения свободы. Реабилитирован 30 марта 1989 г. Прокуратура Ленинграда» (Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург). URL: <http://lists.memo.ru/d1/f497.htm>; дата обращения: 7.07.2019).

³ Все цитаты по: Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. 2-е изд., испр. и доп., СПб., 2017. Т. 3. С. 346–365.

⁴ Там же. С. 773.

⁵ См.: Кацис Л. «Летопись жизни и творчества» О. Мандельштама: от факта к вымыслу // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 148–149.

Между тем Мирон Вольфсон был действительно большой, если не очень большой шишкой. Энциклопедия «Книга» сообщает: «ВОЛЬФСОН Мирон Борисович (апр. 1880, Гомель — 22.5.1932, Москва), рос. издат. работник, книговед, засл. деят. науки. В 1905 сотрудничал с изд-вом “Просвещение”. С 1921 работал в Госиздате РСФСР, чл. правления изд-ва. В 1923–24 В. совм. с О.Ю. Шмидтом разработал план издат. объединения, фактически осуществившийся при образовании ОГИЗ РСФСР. Автор работ, посвященных проблемам становления и развития сов. издат. дела. Соч.: Новое культурное достижение пролетарской диктатуры. М., 1928; Путь сов. книги. М. 1929»⁶. А словарь деятелей революционного движения в России⁷ сообщает, что Вольфсон действительно был видным меньшевиком, социал-демократом и т.д., однако только «в 1898 г. жил в Одессе, где участвовал в марксистских кружках и также выполнял партийные поручения. В конце 1898 г. вернулся в Гомель. Вступил в местную партийную орг-цию и в течение 1899–1901 гг. состоял членом Гомельск. ком-та РСДРП». Поэтому происхождение домашнего прозвища «дядя-одессит» из писем О.Э.и Н.Я. Мандельштам мы прояснить пока не можем. Между тем сведения куда более интересные и близкие к передвижениям и активности Мандельштама уже в самые первые послереволюционные годы сообщают авторы статьи о Вольфсоне в том же справочнике: «После Октября вышел из меньшевистской партии из-за разногласий по вопросу об отношении к советской власти, но в партию большевиков сразу не вступил. В 1918 г. отправился на Украину, где принимал боевое участие в революции (на Полтавщине). Работал впервые в среде крестьянства. При Деникине сидел в Харькове в тюрьме на Холодной горе (арестантские роты) ок. 4 месяцев. Освободился из тюрьмы во время развала и бегства деникинских войск. *Прожил некоторое время в Харькове*, затем уехал на Полтавщину (курсив наш. — Л.К.). Вступил в 1920 г. в Коммунистическую партию. Участвовал в борьбе с махновщиной (7 столкновений), в формировании сил для борьбы с Врангелем, Петлюрой, поляками. Вел агитпропработу, редактировал газету “Вісти”. Летом 1921 г. вызван ЦК РКП(б) в Москву для работы в Госиздате. Член правления и главный редактор ГИЗ’а, в последующее время член правления ОГИЗ’а. Зам. главн. редактора Малой Советской

⁶ Динерштейн Е. Вольфсон М.Б. // Книга: Энциклопедия. М., 1999. С. 144.

⁷ Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: [В 5 т.]. М., 1933. Т. 5: Социал-демократы. 1880–1904. Вып. II: В–Гм.

Энциклопедии, помощник главного редактора Большой Советской Энциклопедии».

Напомним, что в апреле-мае 1919 г. О.Э. Мандельштам был некоторое время харьковским комиссаром Тео Наркомпроса в Киве, где готовил первомайские празднества. Не исключено, что тогда могли иметь место контакты поэта и издателя-комиссара. Однако никаких сведений о дальнейших контактах «большой шишки» Госиздата и Мандельштама ни до, ни после 1926 г. мы не знаем. Хотя сам характер писем поэта к жене говорит о том, что и ему, и ей этот человек очень даже знаком. К тому же в Собрании сочинений Мандельштама К.М. Азадовский публикует рецензию поэта, выполненную «на бланке-таблице политического отзыва редсектора Госиздата, под типографски набранным заголовком раздела: “Точное указание мест политически недопустимых или сомнительных”. [...] В другом разделе таблицы (“Автор и название произведения”) рукой М. проставлено: “Karl Hans Strobl. Gespenster im Sumf. Leipzig. L. Stackmann. 1920”. В раздел “Краткое заключение рецензии о целесообразности издания с точки зрения политической” М. внес: “Очень большое сокращение по всей книге — поможет вылущить интересное и здоровое ядро”. Выполнена для издательства “Время”. Датируется октябрем-ноябрем 1924 г. Обстоятельства возникновения этой рецензии и происхождение бланка, на котором она написана, не выяснены. Принимая во внимание наличие предшествующей рецензии, можно с уверенностью судить лишь о том, что настоящая выступает действительно в функции “политического» отзыва”»⁸.

Этот до настоящего времени единственный в наследии Мандельштама «политический отзыв» недаром озадачил публикатора. С момента публикации приведенного отзыва до сих пор никаких других сведений о сотрудничестве Мандельштама с органами советской политической цензуры, видным руководителем которой и был Вольфсон, мы не знаем. Однако сочетание имени М.Б. Вольфсона — заведомого политредактора, подписи Мандельштама на бланке соответствующего учреждения, сведения из писем О.Э. Мандельштама к Н.Я. Мандельштам о поездке в Москву с Вольфсоном для пробивания отклоненной книги заставляют начать поиск связей между поэтом и цензором-революционером, с одной стороны, и предположить подобные контакты, по меньшей мере, и в более ранний период, с другой.

⁸ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 98–99.

Причем в хорошо известной статье «Потоки халтуры» Мандельштам, похоже, упомянул именно деятельность политредактора, говоря о способах отбора зарубежных книг, трудностях их оценки, внутреннего рецензирования, чем он занимался и сам. Поэт писал: «На 40–50 проработанных таким образом книг намечались 3–4 вещи — кандидатки к переводу. И только тогда уже, *по соглашению с идеологическим руководством*, одна или две книги сдавались в работу»⁹ (курсив наш. — Л.К.). Это означает, что Мандельштам прекрасно знал об этом этапе работы над переводной книгой. Наличие отзыва на бланке политредактора показывает, что поэт и лично принимал участие в работе, которой ведал М. Вольфсон, причем, судя по публикации К.М. Азадовского, не менее чем за два года до писем к Н.Я. Мандельштам, с которых мы начали эту работу.

Важнейшим источником для исследования этой ситуации оказывается книга самого М.Б. Вольфсона 1929 г. «Пути советской книги». Это очень своеобразное издание. В нем автор, с одной стороны, подводит итоги нэповского периода истории советского книгоиздания, а с другой — ставит задачи на будущее, которое связано со свертыванием нэпа и новой тотальной централизацией книгоиздания как важнейшего участка идеологического фронта на новом этапе социалистического строительства. Вольфсон указывает: «Для нас ясно, что достигнуть единства идеологии можно только при едином руководстве печатью, а последнее осуществимо только при том условии, если оно организовано, если оно имеет общий руководящий центр. Этим руководящим центром в области идеологии является в пролетарском государстве, руководимом партией пролетариата, ЦК нашей партии». И чуть ниже: «Мы не мыслим себе идеологического единства в издательском деле как нечто висящее в воздухе, мы не мыслим этого единства вне единого организационного центра, мы считаем, что этим единым центром должен быть оперативный советский издательский центр, действующий по прямым директивам органов ЦК, ведающих печатью»¹⁰.

Решению задачи централизации всей издательской отрасли и посвящена деятельность Вольфсона. Однако его книга — не просто очередная монография по истории советской книги. Это первая важная установочная работа на эту тему, и по сей день включаемая в хрестоматии по книговедению. Дело в том, что она подводит итоги не всему году или какому-то иному сроку, а именно первому кварталу 1929 г., т.е. успехам и проблемам первого посленэповского квартала

⁹ Там же. С. 215.

¹⁰ Вольфсон М. Пути советской книги. [М.], 1929. С. 22, 29.

в важнейшей идеологической отрасли. На протяжении всей книги автор постоянно ссылается на статистические итоги первого квартала 1929 г. Следовательно, книга пишется не ранее середины — конца апреля, когда подобные сведения и появляются. Эта хронологическая точка будет важна для нас в контексте именно биографии Осипа Манделъштама и его возможных контактов с Вольфсоном за пределами 1926 г., отложившихся в эпистолярии поэта. Вообще говоря, книга М.Б. Вольфсона напоминает официальный квартальный отчет, подаваемый наверх и чуть причесанный для книжного издания.

Деятельность Вольфсона есть смысл сопоставить с тем, что писал О.Э. Манделъштам в связи со своей узкой темой — проблемой повышения качества переводов с иностранных языков. Этому посвящена известная статья поэта «Потоки халтуры», в которой речь идет, насколько мы можем понять, о том же, о чем во всей книге Вольфсона: Манделъштам предлагает централизовать переводческое дело, подчинив его некоему специальному органу. Понятно, что его статья не содержит сведений об истории советского книгоиздания незадолго до и после Гражданской войны, не связана она и с проблемой посленэповской централизации издательского дела, однако невозможно и не учитывать этот контекст, особенно если иметь в виду, что статья публикуется в газете «Известия». Помня о дальнейшей роли Бухарина в судьбе Манделъштама, нельзя не отметить, что «Потоки халтуры» публикуются буквально в дни окончательного разгрома бухаринской оппозиции сталинскому курсу на усиленную коллективизацию, который имел место на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) (16–23 апреля) и на последовавшей за ним XVI партконференции.

Манделъштам пишет о необходимости созыва всесоюзного совещания по проблемам перевода, которое «укажет, как создать здоровую трудовую атмосферу, как использовать и выявить научные силы и таланты, как рационально поставить производство переводной литературы. Совещание оформит назревшую идею создания института иностранной литературы с постоянным факультетом по теории и практике перевода, с рядом семинариев по переводу с европейских и восточных языков, а также с украинского и других языков Союза. Институт должен руководиться деловым и идеологически выдержанным управлением. [...] Институт должен принять непосредственное участие в работе издательств».

Здесь пока еще, кажется, речь идет о некоем контрольном профессионально-учебном органе. Однако следующий абзац заставляет думать, что речь идет не просто о предложении создать новое учебно-научное заведение, а об объединении всех переводческих

сил под его эгидой: «Это авторитетное учреждение должно будет неуклонно работать над поднятием культурного уровня иностранной переводной книги и обеспечить нас кадрами нужных работников. В создании института должны принять прямое и органическое участие: Федерация писателей, Комакадемия, ГАХН, а также ГИЗ, ЗИФ, “Молодая гвардия” и Институт журналистики»¹¹.

Эта статья вышла в свет 7 апреля 1929 г. Книга Вольфсона, напомним, анализировала итоги I квартала этого же года. Тем интереснее то, что мы находим в работе советского идеолога книжного дела в части проблем перестройки издания переводной литературы. Обсудив проблему параллелизма и халтуры в потоке «ленинской» литературы, автор переходит к интересующему нас вопросу: «Всякий вопрос, встречаемый оживленным рыночным спросом, вызывает поток книг. Замечательно, что при этом, 1) конкуренция между издательствами ведет не к идеологическому улучшению издательской продукции, а к ее ухудшению. Если бы одно издательство выпускало, скажем, перевод какой-нибудь выдающейся иностранной книги, оно могло бы его выпустить большим тиражом и, 2) следовательно, заплатить хорошо за перевод, подыскать хорошего “предисловщика”, дать комментарии, примечания и т. д. Но бессмысленная конкуренция между совпартийными издательствами вызывает спешку, стремление поскорей, раньше соперника, выбросить на рынок книжку — поэтому лучшие книги выбрасываются в *халтурном* и неряшливом виде (далее следует примечание о плохом издании “Капитала” и работе ГИЗа по устранению недостатков. — Л.К.). 3) Конкуренция принимает у нас часто форму не борьбы цен, борьбы скоростей. Если капиталистическая борьба цен дает положительные результаты (удешевляет для потребителя продукт), то борьба скоростей приносит только вред, благодаря ей рынок и человеческие мозги наводняются мутными *потоками халтуры*»¹² (курсив наш. — Л.К.).

Нетрудно видеть, что переводческий пассаж Вольфсона заканчивается словами «потоки халтуры», т. е. просто названием статьи О. Мандельштама из «Известий». Комментаторы собрания сочинений указывают, что, по словам Н.Я. Мандельштам, название «известинской» статьи было дано редакцией. Если даже это и так, то слова «потоки халтуры» находятся в первом же абзаце «известинской» статьи, т.е. заведомо принадлежат поэту, а выбор таких ударных слов для названия газетной статьи — обычное дело.

¹¹ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 216–217.

¹² Вольфсон М. Пути советской книги. С. 34–35.

Для того чтобы понять, существует ли предполагаемая нами связь между статьей «Потоки халтуры» О. Мандельштама и абзацем из книги Вольфсона, где использовано заглавие статьи поэта, проследим по сохранившимся документам «творческую историю» этого текста в месяцы, предшествующие публикации в «Известиях».

В письме к И.И. Ионову от 16 февраля 1929 г. Мандельштам писал: «Перевод заранее и заведомо считается халтурой. Издательства делают всё от них зависящее, чтобы снизить качество продукции. Вместо того чтобы озаботиться подбором кадра квалифицированных переводчиков, использовать их по специальности и создать для их труда минимально благоприятную атмосферу, издательства — и в первую очередь ЗиФ — набирают переводчиков с бору по сосенке, превращая огромную отрасль производства не то в “собес”, не то в хаотическое кустарничество на потребу рынку». Затем, после рассуждений о безобразной оплате труда переводчиков и обработчиков перевода, читаем то, что мы видели в тексте Вольфсона, т.е. разговор о скоростях: «Халтура “Прибоя” в иностранной литературе была беспримерна. [...] Объявлялись конкурсы на скаковой рекорд по переводу пятнадцатистраничных книг в десять дней, гонорар цинично задерживался... [...] в издательство, наконец, хлынула целая масса псевдопереводчиков, никому не ведомых безграмотных дилетантов, готовых на все условия»¹³. И далее Мандельштам рассказывает адресату о «механизированной» работе по выпуску собраний классиков. Отметим, что разговора о «скоростных» и «скаковых» переводах, обсуждаемых в письме Ионову, в «Потоках халтуры» нет.

В письме к Э. Мандельштаму в середине февраля 1929 г. О. Мандельштам прямо сообщает, что затевает серьезную борьбу, «требует реорганизации всего дела» и говорит: «...но я — обвинитель. Скажу только, что я глубоко спокоен, уверен в себе, как никогда. Мне обеспечена поддержка лучшей части советской литературы и печати. Я это знаю. Я первый поднимаю вопрос о безобразиях в переводном деле — вопрос громадной общественной важности — и поверь, я хорошо вооружен»¹⁴.

В черновиках «Потоков халтуры» сохранился и куда более резкий абзац о начале кампании за очищение дела переводов от кустарщины и базара. Эти же выражения находим и в опубликованных текстах.

¹³ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 394.

¹⁴ Там же. С. 398. О некоторых сопутствующих обстоятельствах этой ситуации в Киеве, далеко не полностью оправдывающих оптимизм поэта подробно см.: Кауцис Л. Осип Мандельштам между «Вечерним Киевом» и ленинградским «Резцом» (1927–1929). О реальных источниках стихов и прозы поэта // Вопросы литературы. 2018. № 6. С. 309–367.

Однако они четко и ясно указывают на терминологию, связанную со свертыванием нэпа. Поэтому текст Мандельштама вполне укладывается в более широкий контекст окончания нэпа вообще и книги М. Вольфсона в частности.

Наконец, есть еще одна возможность проверить наличие связей между Мандельштамом и Вольфсоном. Если книга последнего писалась или завершалась в середине — конце апреля 1929 г., то выйти она могла самое раннее в конце мая — начале июня, но в любом случае раньше сдачи в печать 13-го июльского номера журнала «На литературном посту», где была напечатана еще одна статья-интервью с О. Мандельштамом на интересующую нас тему «О переводах». В этом тексте, в существенной своей части восходившем к «Потокам халтуры», находим рассуждения о том, что к новой молодежной книге необходимо прикладывать словарь и комментарии, вырабатывать стремление читателя-комсомольца к изучению иностранных языков и т. п. Это вполне соответствует идеям Вольфсона, выраженным в пункте 2 его программы: хорошее предисловие, комментарий, примечания и т.д. При этом у Вольфсона речь не идет об издательствах академических, обсуждается именно массовая литература. А Мандельштам как раз и предлагает во второй своей статье изъять такого рода кадры у академического и эстетского издательства и передать их издательствам типа «Молодой гвардии»¹⁵. Похоже, что здесь мы видим и обратное влияние книги Вольфсона или просто его позиции, если она была известна Мандельштаму, на статью в журнале «На литературном посту», который вышел после выхода в свет книги об истории советской книги.

Все приведенные здесь размышления можно было бы отнести к сугубо литературно-бытовым, если бы все они не касались событий, которые привели через скандал вокруг перевода «Уленшпигеля» к написанию Мандельштамом «Четвертой прозы». И здесь нельзя пройти мимо того факта, что в истории с «Уленшпигелем» важную роль в поддержке Мандельштама сыграло тогда еще вполне бывшее в силе руководство РАППа, в частности Л. Авербах.

Еще интереснее, что вся описанная история с публикацией Мандельштама в «Известиях» и с выходом в свет книги Вольфсона с ее мандельштамовским «следом» сопровождалась буквально совпадающей по дням историей с обвинением Мандельштама в плагиате и «развязной переводческой халтуре» в статье Д. Заславского «О скромном плагиате и развязной халтуре» в номере «Литературной

¹⁵ См.: Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 220–221.

газеты» от 7 мая 1929 г. Главным редактором «Литературной газеты» был С.И. Канатчиков, бывший, а ныне раскаявшийся участник «объединенной оппозиции». И это обстоятельство, равно как и имя Д. Заславского, называвшего себя «еврейским бело-чехом», но только с 1928 г. ставшего тем цепным псом сталинской, да и хрущевской пропаганды, каким он и вошел в историю, должны быть учтены в нашем литературно-политическом контексте.

Разумеется, и те задачи, которые формулировал Вольфсон (по-видимому, с участием Мандельштама), ни при каких условиях не могли решаться вне идеологических структур ВКП(б), а в условиях разгрома последовательно левого (Троцкий) и правого (Бухарин) уклонов речь могла идти только о просталинской идеологической позиции.

И всё же стоит вернуться к Бухарину. Его судьба, не стань он ей перечить, могла привести именно в 1929 г. к очень интересному повороту. В этом году не только Троцкий покинул пределы СССР, но и был снят с поста Комиссара просвещения А.В. Луначарский, назначенный Президиумом ЦИК СССР 12 сентября 1929 г. председателем Ученого комитета ЦИК СССР и освобожденный от поста наркома просвещения.

Важным и достоверным комментарием к этому событию является переписка К.Е. Ворошилова и С. Орджоникидзе. На апрельском Пленуме ЦК и ЦКК (1929) Сталин сказал о Бухарине: «...вчера еще личные друзья, теперь расходимся с ним в политике». Пленум завершил «разгром группы Бухарина», а сам он был снят с занимаемых постов. Сталин предлагал назначить Бухарина на почетный, но крайне неблагодарный пост наркома просвещения, однако сам Бухарин попросил дать ему тихую должность начальника Научно-технического управления Высшего совета народного хозяйства. К.Е. Ворошилов писал 8 июня 1929 г. к Г.К. Орджоникидзе: «Бухарин умолил всех не назначать его на Наркомпрос и предложил, а затем настаивал на НТУ. Я поддержал его в этом, поддержало еще несколько человек и большинством в один голос (против Кобы) мы провели его»¹⁶. Л. Флейшман пишет об этом в связи с Пастернаком: «Осенью в западной прессе появились сообщения о том, что Бухарин вернул себе прежнее положение в партийном руководстве и был назначен на пост наркома просвещения взамен (в свою очередь сменившего

¹⁶ Хлевнюк О. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 30.

Луначарского в 1929 г.) А.С. Бубнова. [...] Как известно, от этого поста Бухарин наотрез отказался»¹⁷.

Этот факт заставляет считать, что и ожидания Вольфсона и Мандельштама весной 1929 г., и атака на Мандельштама Заславского и тех, кто за ним стоял, теснейшим образом связаны с конкретными политическими событиями весны 1929 г. Вся дискуссия о «халтуре» в переводах пришлось на описываемый нами период перестановок в ключевом для проблем перевода ведомстве. Политическая актуальность действий сторон, острота кажущейся ничтожной дискуссии об «Уленшпигеле» всё более и более становится похожей на точку приложения сил в борьбе различных властных структур между собой. Да и терминология статей Мандельштама, где оцениваются всего лишь разновидности переводов, тоже не безобидна. Так, в статье «О переводах» Мандельштам делит виды этой деятельности на «массовую», «средняцкую» и «модернистическую от символистов, через “Всемирную литературу” к “Академии” и к классикам ГИЗа»¹⁸. Нетрудно видеть, что последняя разновидность вполне синонимична «буржуазной» литературе. Стоит помнить, что к середине 1929 г. «буржуйам» из ГАХНа или «Академии» было совсем не до шуток: ГАХН вскоре закрылся, а «Академия» стала на некоторое время «отстойником» перед посадкой в лагерь и авторов, и руководителей издательства. Да к тому же с 1928 г. «Академией» руководил давний недруг Мандельштама Ионов.

На этом фоне интересно отметить и еще один абзац из июльской статьи «О переводах»: «За создание “Советского Майн-Рида”! Надо усадить наших лучших прозаиков, к их услугам должен быть создан целый научный аппарат (этнография, физическая география и т. п.). Ведь не скупятся на создание целого учреждения, целых штатов и аппаратов для обслуживания Большой и Малой энциклопедии. Неужели этой чести не удостоится серия романов для юношества по мироведению?»¹⁹.

Эта утопическая конструкция могла бы не привлечь нашего внимания, но именно М.Б. Вольфсон и был, как мы говорили выше, заместителем Главного редактора Малой и помощником Главного редактора Большой советской энциклопедии. Вообще говоря, этот отрывок не имеет прямого отношения к проблеме переводов, и при другой ситуации он вполне мог бы стать предметом отдельной статьи.

¹⁷ Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005. С. 145–146.

¹⁸ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 218.

¹⁹ Там же. С. 221.

Ведь именно редакция Советской энциклопедии располагала всеми кадровыми резервами подобного типа. Но дело никуда не пошло. Именно тогда и развернулось «Дело Уленшпигеля», в котором Мандельштама обвиняли в хищении дореволюционных переводов «Тили Уленшпигеля» у А. Горнфельда и В. Карякина, хотя поэт к этому времени уже успел принести даже печатные извинения за свою и издательства небрежность. На книге не было указано, что это не перевод, а обработка текста де Костера, выполненная О. Мандельштамом.

Кампания по травле Мандельштама началась с упомянутого выше фельетона Д. Заславского, напечатанного в № 3 «Литературной газеты» от 7 мая 1929 г., в то время как письмо Мандельштама в редакцию «Вечерней Красной газеты» по поводу «Уленшпигеля» было напечатано в № 313 за предыдущий год, т.е. почти за год до всей газетной кампании 1929 г. Между тем сам Мандельштам прекрасно понимал, в чем здесь дело. И в черновике письма в редакцию «Литературной газеты», сохранившемся в архиве Мандельштама, но написанном от третьего лица (это мог быть и проект коллективного письма, и черновик передовицы или редакционной статьи), и в опубликованном тексте ясно, о чем идет речь:

«...статья Заславского [...] имеет, очевидно, лишь одну “целевую установку”».

Недостойный фельетон направлен против статьи О. Мандельштама в «Известиях», статьи, открывающей кампанию за оздоровление всего переводческого дела в нашем Союзе. Сознательно умаляя значение статьи, призывающей к революционизированию громадной отрасли книжного производства, статьи, из которой ГИЗом уже сделаны важнейшие организационные выводы, — Заславский рядом возмутительных приемов пытается набросить тень на доброе имя писателя»²⁰.

Из этого абзаца становится ясно, что «важнейшие организационные выводы» ГИЗ мог сделать из статьи Мандельштама только руками М.Б. Вольфсона или его ближайших товарищей по руководству. Обойти его было невозможно. И знаком того, что М.Б. Вольфсон читал статью Мандельштама «Потоки халтуры», и является анализируемый нами отрывок из его книги именно о переводах. В свою очередь, это означает, что Вольфсон использовал статью Мандельштама в сложной литературно-политической борьбе, которая существенно превосходила по своему характеру и напряженности политический уровень, доступный Мандельштаму. Это же можно

²⁰ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 688.

сказать и о фельетоне Заславского. Он был лишь частью противостояния какой-то политической группировки того времени группировке Н.И. Бухарина. Того самого Н.И. Бухарина, без которого не вышли бы три Мандельштамовских книги 1928 г. Кроме того, Бухарин был автором установочной «Азбуки коммунизма», написанной в соавторстве с Преображенским, а М.Б. Вольфсон на протяжении всей своей советской деятельности выпускал именно подобные книги в неимоверных количествах²¹.

Так нам видятся на сегодня взаимоотношения Мандельштама с Вольфсоном в связи со всей сложнейшей историей переводческой деятельности Мандельштама. Однако имени Вольфсона нет в важнейшем источнике по интересующей нас проблеме — книгах Н.Я. Мандельштам. Именно поэтому нет его имени и в «Летописи» А. Меца, который пытался максимально приблизить ее не к истории жизни Мандельштама, а к книгам его жены. Это же касается и работ П.М. Нерлера. Но и здесь летопись оказалась святее папы Римского. Ее именной указатель еще короче даже именника книг вдовы поэта, которая достаточно подробно описывает и переписку с мужем, и многие немаловажные обстоятельства переводческой деятельности Мандельштама, и внутрииздательские взаимоотношения.

Вот этот отрывок из «Второй книги»: «Приходилось в день переводить чуть ли не половину печатного листа — за лист платили рублей тридцать. Гонорары были нищенские, как на Апраксином рынке, и, как мы узнали от Нарбута, никакой роли в калькуляции книги не играли. Переводилась абсолютная дрянь, отравя, хотя всякий принудительный перевод для поэта губителен. Я не случайно огорчалась и в каждом письме умоляла отпустить меня в Киев к родителям — Мандельштам так закабалил себя работой, что даже передохнуть не мог. Об этом лучше расскажут письма, где Мандельштам бесстыдно врет, как хорошо складываются дела и со всех сторон льются золотые ручьи. Он успокаивал меня, чтобы удержать в Ялте. Переводы уже тогда использовались как отличный и действенный способ уничтожения литературы»²².

²¹ После Октября Вольфсон опубликовал ряд работ: «Очерки обществоведения» (14 изд.), «Курс политэкономии» (4 изд.), «СССР и капиталистический мир» (3 изд.), «Курс политграмоты» (3 ч., 2 изд.), «Чему учит политэкономия», «Экономические формы СССР» (6 изд.), «Учебник исторического материализма», большое число статей в Большой, Малой, Технической энциклопедиях. В 1931 г. Совнарком РСФСР присвоил Вольфсону звание заслуженного деятеля науки, как указывает цитированный словарь о русских революционерах.

²² Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 271.

Итак, Н.Я. Мандельштам как бы опровергает сведения, содержащиеся в письмах к ней самой. Однако речь идет или шла по большей части не столько о переводах, сколько о перелицовках или обработках.

Между тем необходимо обратить внимание на подзаголовок статьи самого Мандельштама «О переводах»: «За создание "Советского Майн-Рида"!» Как и все тексты даже деловых писем Мандельштама, этот подзаголовок июньской (!), т.е. сданной в печать примерно в середине апреля, в разгар «уленшпигелевского» скандала, статьи имел прямое отношение ко всей нашей истории.

Вот отрывок из письма Мандельштама к И. Ионову от 16 февраля 1929 г.: «За каждый лист обработанного Вальтер-Скотта уплачивалось наличными по 36 рублей; я утверждаю, что за эти деньги можно получить, заказав "охотникам" новые переводы, лишь дрянь и галиматью, хуже сойкинской или сытинской, не поддающуюся даже правке. Издательство это знало и не могло не знать, но сознательно закрывало глаза и, спекулируя на литературном умении и опытности Мандельштама и Лившица, всё же получало, по меньшей мере, удовлетворительные тексты, переделанные из старинки.

Вы расторгли — точнее, выразили желание расторгнуть с нами договор на Майн-Рида, потому что мы якобы нарушили его, переводя с французского. Не мешало б вам еще до экспертизы, которая решит, является ли наш труд халтурным и не достойным Майн-Рида, заглянуть в самый договор, о котором идет речь, и сделать вывод, не ярчайшим ли образцом халтуры издательства является этот самый договор.

Издание Майн-Рида, автора с нулевым литературным значением, лишенным намека на самостоятельный стиль или форму, утопающего на каждом шагу в слащавости и банальной красивости, было задумано исключительно ради его жанровых, приключенческих достоинств, всё выявление которых падало на обработчиков. Оно оправдывалось лишь богатством естествоведческого и этнографического материала и волевым жизненным подъемом, которые нужны нашей молодежи, пока у нас нет своего Майн-Рида. За переделку Эдгара По можно казнить без суда, но относиться с пиететом к тексту Майн-Рида может только дореформенный учитель чистописания. Позволю себе заметить, что мои и вообще современные представления о прозе, даже для юношества, несколько расходятся с Майн-Ридом.

Неужели же блестящие по точности, авторизованные французские переводы в руках Мандельштама и Лившица могли дать худший результат, чем случайная стряпня с английского? Кто этому поверит?

Для опыта мною были заказаны переводы с английского переводчикам, рекомендованным Зифом. То, что они мне представили, и то, что мне пришлось потом обламывать с громадной потерей времени и труда, было убогим лепетом, полуграмотной канителью, кишашей нелепостями, и в результате правки было несомненно бледнее и беднее моего перевода с французского. Но это и есть то не вызывающее сомнений “сырье”, из которого у нас изготавливаются переводные книги: сначала полуголодный, пришибленный переводчик (точнее, деклассированный безработный интеллигент, ни в коем случае не литератор) полуграмотно перевирает подлинник, а потом “редактор” корпит над его стряпней и приводит ее в мало-мальски человеческий вид, уж, конечно, не заглядывая в подлинник, в лучшем случае сообразуясь с грамматикой и здравым смыслом. Я утверждаю, что так у нас выходят сотни книг, почти все; это называется “переводом с французского” или “переводом с английского” под редакцией “такого-то”. Впрочем, имя редактора чаще всего опускается.

Возвращаюсь к нелепой структуре Майн-Ридовского договора. Издательство выплачивало пятьдесят пять рублей наличными с печатного листа. И этим обязательства его кончаются. Тираж издания неограниченный, астрономический. А вот список наших обязанностей: “редактора-обработчики”, в понимании договора, низведенные до подрядчиков, обязуются, во-первых, заказать и оплатить...»²³

Таким образом, упоминание именно Майн-Рида, а не какого-то другого из обработанных Мандельштамом классиков лишний раз подтверждает именно политически актуальный характер статьи Мандельштама, а не теоретико-переводческий ее смысл.

Далее Н.Я. Мандельштам рассказывает, что около 1927 или 1928 г. она «научилась кропать за него какие-то обработки для “ЗиФа”, и он получил передышку»²⁴. Более того, в 1930 г. она написала письмо В.М. Молотову как раз о переводах: «Более ядовитой профессии для писателя, особенно для стихотворца, нельзя себе представить. В течение десяти лет (т.е. с 1920 г.? — Л.К.) изо дня в день Мандельштаму приходилось переводить, т.е. подлаживаться под чужие стили, истощать мозг лжеизобретательством, холостым творчеством. Переводы исключали самую возможность личной работы. Сотни переведенных Мандельштамом листов — это каторжный труд, в течение многих лет разрушавший его нервную систему»²⁵.

²³ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 471–472.

²⁴ Мандельштам Н. Вторая книга. С. 271.

²⁵ Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 184–185.

Не будем повторять очевидное, не так уж трудно понять, что не 10, а максимум 5 лет Мандельштам имел саму возможность заниматься поденкой в таких масштабах. Оставим и снижение гонорарной ставки в два раза... Не будем также перечислять и написанное, и опубликованное Мандельштамом за эти 10 лет. Хотя, разумеется, в другой обстановке всего этого могло быть больше. Однако сам Мандельштам и никто иной выбрал линию своего политического поведения. И обсуждать здесь нечего.

Сюда же стоит включить и проблемы с подготовкой поездки Мандельштама в Армению: «В 1929 г. впервые была задумана поездка в Армению, о чем свидетельствует письмо от 14 июня 1929 г. Н.И. Бухарина, бывшего тогда председателем Коминтерна и главным редактором “Известий”, к председателю Совнаркома Арм. ССР С.М. Тер-Габриэлян (1886—1937): “Дорогой тов. Тер-Габриэлян! Один из наших крупных поэтов, О. Мандельштам, хотел бы в Армении получить работу культурного свойства (напр., по истории армянского искусства, литературы в частности, или что-либо в этом роде). Он очень образованный человек и мог бы принести вам большую пользу. Его нужно только оставить некоторое время в покое и дать ему поработать. Об Армении он написал бы работу. Готов учиться армянскому языку и т.д. Пожалуйста, ответьте телеграфом на ваше представительство. Ваш Бухарин». Ответ, подписанный А.А. Мравьяном, наркомом просвещения и зампредсовнаркома Армянской ССР, пришел спустя 11 дней телеграфом: «Москва, Закпредство. Просьба передать поэту Мандельштаму возможно предоставить в Университете лекции по истории русской литературы, также русскому языку в Ветеринарном институте. Наркомпрос Мравьян. 23 июня 1929 года»²⁶. Однако после внезапной смерти А.А. Мравьяна 23 ноября 1929 г. поездка расстроилась.

Вторая попытка попасть в Армению была предпринята в начале 1930 г. Н.Я. Мандельштам, вызванная для этого из Киева, записала, что А.П. Короткова спросила, куда Мандельштам хочет ехать. «В Армению», — ответила Н.Я. Мандельштам, на что А.П. Короткова вздохнула: «Значит, это серьезно». Действительно, как писала Н.Я. Мандельштам, организованное Н.И. Бухариным через В.М. Молотова и С.И. Гусева (члена ВЦИК и президиума Коминтерна) путешествие в Армению — «не туристская прихоть, не случайность, а, может быть, одна из самых глубоких струй мандельштамовского

²⁶ Кубатьян Г. Место армянской темы в творчестве Мандельштама (Уроки Армении) // Вестник Ереванского гос. ун-та. Обществ. науки. 1989. № 6. С. 19–20.

историософского сознания»²⁷. Заметим, что в этот момент В.М. Молотов был секретарем ЦК и членом Оргбюро ЦК (16 марта 1921 — 21 декабря 1930) и постоянным корреспондентом Сталина. А в 1931 г. он уже председатель СТО и СНК СССР. А кстати, и победитель в борьбе сталинского окружения с Бухариным.

С учетом того, что мы знаем теперь о положении Бухарина, главного организатора этой поездки, кончина армянского министра просвещения (!) была не так уж важна. А вот тот факт, что вторая попытка такой поездки удалась, необходимо связать с серьезной поддержкой, которую Мандельштам имел в советских верхах и без Бухарина или параллельно Бухарину. Собственно говоря, об этом свидетельствуют и стихотворение «Еще далеко мне до патриарха...», совпадающее по времени написания с письмом Л. Авербаха от 1 сентября 1931 г. к Л.М. Кагановичу и П.П. Постышеву о необходимости предоставления квартиры Мандельштаму²⁸, да и последующие вечера Мандельштама в 1932 г., приуроченные к процессу организации будущего Союза Советских писателей²⁹.

Список имен впечатляет: Молотов, Каганович, Постышев, Бухарин и т.д. В сущности, скандал с «Уленшпигелем» серьезно на карьере Мандельштама не повлиял. На нее влияли совершенно другие обстоятельства вполне верхушечного свойства.

Нам представляется, что политическую составляющую биографии Мандельштама следует понимать без последующих историософских рассуждений вдовы поэта, уводящих историка от сути дела. Ведь ничего значимого, кроме слова *Армения*, сказано секретарше

²⁷ Михайлов А.Д., Нерлер П.М. Примечания // Мандельштам О. Путешествие в Армению. URL: http://apsnyteka.org/1252-mandelsham_o_puteshestvie_v_armeniju.html (дата обращения: 9.07.2019).

²⁸ «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг.: Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997. С. 113–114. Дискуссии на эту тему см.: Кацис Л. «Летопись жизни и творчества» О. Мандельштама: от факта к вымыслу // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 126–160; То же. Доп. 1 // Вопросы литературы. 2015. № 1 (спец. вып.). С. 19–26; Кацис Л. Сизифу от «Камня»: несколько слов в ответ на письмо о моей рецензии // Вопросы литературы. 2015. № 1 (спец. вып.). С. 12–19. После нашей критики и без указания на источник сведений это письмо включено А.Г. Мецем во второе и третье электронное издание Летописи (с. 359; URL: https://imwerden.de/pdf/mandelsham_letopis_zhizni_i_tvorchestva_3_izd_2019.pdf; дата обращения: 9.07.2019).

²⁹ На наш взгляд, «патриархом» этого стихотворения является Д. Заславский, написавший «как старший товарищ, умный и чуткий» статью о фельетоне для молодых ЛАПповцев с искомым и многократно упомянутым словом «извиняюсь» в ленинградском «Резце», имеющем прямое отношение к библиографии Мандельштама. См.: Кацис Л. Осип Мандельштам между «Вечерним Киевом» и ленинградским «Резцом» (1927–1929). О реальных источниках стихов и прозы поэта // Вопросы литературы. 2018. № 6. С. 353–356, специально: «Извиняюсь» Д. Заславского 1929 г. и Мандельштама 1931 г.

Бухарина не было. А ее реплику мы знаем только от Н.Я. Мандельштам. Остальное — позднейшие рассуждения. Кроме всего прочего, еще следует подумать о том, насколько важны были для находившегося в сложнейшем политическом положении Бухарина женские вздохи в предбаннике его кабинета.

Вернемся к воспоминаниям Н.Я. Мандельштам. Упоминание «ЗиФа» в абзаце, следующем за появлением имени Владимира Нарбута, говорит о том, что эта фигура, многократно, в отличие от Вольфсона, упомянутая Н.Я. Мандельштам, должна быть включена в описываемый контекст. Тем более что существует и еще одно важное для нас описание деятельности этого издателя-акмеиста. В самом начале «Второй книги» читаем: «По призванию он был издателем — зажимистым, лукавым, коммерческим. Ему доставляло удовольствие выторговывать гроши из авторского гонорара, составлявшего в двадцатые годы, когда он управлял издательством, совершенно ничтожный процент в калькуляции книги. [...] Издательскую деятельность Нарбут представлял себе на манер американских издателей детективов: массовые тиражи любой дряни в зазывающих пестрых обложках... [...] Свое издательство “ЗиФ” (“Земля и фабрика”) он взял нищим, а отдал процветающим, с большим капиталом в банке»³⁰. Однако именно Нарбут давал работу Мандельштаму, а пришедший ему на смену Ионов, как известно, поклонником Мандельштама не был.

Однако кажется, что воспоминания Н.Я. Мандельштам и здесь верны не во всем. Для того чтобы это увидеть, надо обратиться к одной из публикаций Мандельштама, которая известна исследователям, указывается в библиографиях, однако специально она не исследовалась, не говоря уже о ее контексте. Речь идет об известной статье «Жак родился и умер», впервые напечатанной в 1926 г. в «Вечерней Красной газете», а затем в 1927 г. в журнале «Журналист» № 5. Однако обе публикации не остались одиночными. Так, в «Вечерней Красной газете» вскоре появилась статья в поддержку Мандельштама, написанная Инн. Оксеновым, — «Мертворожденный Жак», а за той же статьей уже в «Журналисте» были напечатаны две продолжавших ее публикации даже с образностью, близкой к будущим «потокам халтуры», хотя, разумеется, не в точности³¹.

³⁰ Мандельштам Н. Вторая книга. С. 60.

³¹ Подробнее см.: Кацис Л. Летопись жизни и творчества Осипа Мандельштама: от факта к вымыслу. Доп. 1 // Вопросы литературы. 2015. № 1 (спец. вып.). С. 19–26; Кацис Л. Роман Б. Лекаша «Радан Великолепный» в переводе О. Мандельштама и русско-немецко-французский контекст (к проблеме сравнительного описания русско-еврейской и франко-еврейской литературы) // Сравнительно о сравнительном

Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело с Мандельштамом, начинающим дискуссию о проблемах качества переводов с иностранных языков. Однако похоже, что публикация блока материалов о качестве переводов в «Журналисте» последовала после «установочной» статьи В. Нарбута, посвященной итогам 1927 издательского года, т.е. ситуации за год до того, что описал М. Вольфсон.

Из статьи Нарбута для нас наиболее важен раздел о переводах: «Анализ цифр за 1925 и 26 гг. по *частным* издательствам позволяет сделать следующие выводы: 1) частник *снизил* выпуск художественной литературы (и по объему, и по ассортименту) на 25–30%; 2) доля участия частных издательств в *общем выпуске* художественной продукции тоже сильно пала: в 1925 г. — 27% по названиям и 38% по объему, а в 1926 г. (соответственно) — лишь 20% и 30%; 3) частным издателем был взят патент на *монополию* в области переводной литературы (в 1925 и 26 гг. *не менее* половины всей продукции), хотя в последнее время, по имеющимся данным, частные издательства усиливают выпуск оригинальной русской литературы [...]; 4) частный издатель, как правило, *начинает свертываться, уходить с художественного рынка*, тем самым *сигнализируя* совпартиздательствам, что данное дело теряет коммерческую выгоду (ряд «беллетристических» частников перешел в текущем году на выпуск энциклопедий, технической и агрономической литературы)»³².

Этот анализ Нарбута дает возможность представить себе многочисленные переходы Мандельштама из одного издательства в другое — из частных в государственные и наоборот. Кроме того, становится более ясно, что Мандельштам с 1926 по 1929 г. достаточно активно работал на огосударствление издательского и переводческого дела. А вопрос о переводах Нарбут рассматривал специально, причем в терминах, прямо противоположных тем, которые использовала по отношению к нему Н.Я. Мандельштам. При этом мы не исключаем того, что в своей издательско-редакционной практике В. Нарбут действовал именно так, как описывает ситуацию мемуаристка, однако следующая цитата интересует нас больше в контексте издательско-политической деятельности ее мужа.

литературоведении: транснациональная история компаративизма: Коллективная монография по материалам русско-французских colloquiums 6—7 октября 2009 года и 3—4 октября 2011 года. М., 2014. С. 452–463; *Кацис Л.* Осип Мандельштам между «Вечерним Киевом» и ленинградским «Резцом» (1927–1929). О реальных источниках стихов и прозы поэта // Вопросы литературы. 2018. № 6. С. 316–319; специально: Вокруг предисловия Мандельштама к «Радану Великопленному».

³² *Нарбут В.* Некоторые итоги литературно-художественного года // Журналист. 1927. № 4. С. 14.

В. Нарбут продолжал: «Заслуживающий особо пристального внимания вопрос о “наводнении и засорении” наших библиотек недоброкачественной переводной литературой — вопрос о своеобразном “колониационном” периоде в выпуске художественной продукции — в настоящее время можно считать, по-видимому, разрешенным в положительном для СССР смысле: сейчас все книгоиздательства набросились (под влиянием, разумеется, спроса) на современную и *классическую* литературу. В исключительном почете *классик*. Он вытеснил даже ходкий бульварный иностранный роман! Плоскости переместились: если раньше, в 1925–1926 гг. переводная литература исчислялась (по отношению ко всей художественной продукции) 40–50%, а русская классическая — 2–7%, то в 1927 г. картина резко меняется; судя по предварительным сведениям, переводная беллетристика, в общем, должна снизиться до 25%, русские классики — вырасти до 15%»³³.

Однако проблема качества переводов возникает у Нарбута и еще в одном месте: «Зато нельзя дальше оставаться молчаливым свидетелем той неразберихи и путаницы, какая господствует у нас до сих пор в области выпуска переводной беллетристики. Не только частник, но и партийные (главным образом!) изд-ва считают своим священным долгом выгрести помойку западноевропейской и американской “литературы” и преподносить потребителю в кричащих обложках всякие “фабульные” отбросы... Ассортимент одних “Книжных новинок” чего только стоит; в известной мере эту же оценку можно отнести и к иностранной литературе “Круга”».

И наконец, вывод, который не мог не заинтересовать О. Мандельштама. У Нарбута среди выводов под номером, пусть и 14, читаем: «Нет журнала по иностранной (переводной) художественной литературе, который позволил бы осуществить определенной руководством в этой отрасли литературы (борьба с макулатурой, регулярное ознакомление читателей с действительными образцами западноевропейской и американской художественной литературы и т. п.)»³⁴.

Нетрудно видеть, что три текста Мандельштама — «Потоки халтуры», «Жак родился и умер» и «О переводах» — абсолютно точно соответствуют позиции и даже лексике статей и книг В. Нарбута и М. Вольфсона, не говоря уже о лексике «На литературном посту», или «Известий», или официальной страницы «Вечерней Красной газеты», где развивалась вся эта государственно-переводческая дискуссия. Наконец, сам тот факт, что все три публикации Мандельшта-

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 17.

ма по проблемам перевода так или иначе были включены в печатные дискуссии и практически всегда сопровождалась (за исключением последующего скандала с «Уленшпигелем») положительными отзывами, заставляет счесть как бы проходные для поэта тексты серьезным этапом той общественно-политической деятельности, которая постепенно через «Четвертую прозу» привела к «Мы живем, под собою не чуя страны...».

Нет смысла говорить, что мемуары Н.Я. Мандельштам ни при каких условиях не могли отражать эту реальность. Слишком уж она не укладывалась в шестидесятнические представления о поэте-страдальце, который любил пирожные, но вынужден был есть черный хлеб. Да и не знаем мы, насколько хорошо она вообще была информирована обо всем этом. Из имеющихся писем это никак не следует.

Многочисленные политические связи и контакты Мандельштама заставляют думать о правоте тех, кто, как покойный Омри Ронен, были склонны придавать большое значение словам о «Мы живем, под собою не чуя страны...», которые из уст Мандельштама запомнила Эмма Герштейн:

«— Это комсомольцы будут петь на улицах! — подхватил он сам себя ликующе.

— В Большом театре... на съездах... со всех ярусов... — И он зашагал по комнате. Обдав меня своим прямым огненным взглядом, он остановился: — Смотрите — никому. Если дойдет, меня могут... РАССТРЕЛЯТЬ!»³⁵

Здесь присутствует явная и твердая надежда на то, что курс партии будет изменен. Откуда — в преддверии XVII съезда ВКП(б) — Мандельштам черпал мечту о грядущей победе самих коммунистов над Сталиным и о своем окончательном торжестве?

Одним из условий славы поэта является, очевидно, равнодушие к «успеху» в обоих смыслах слова. Поэт может отказаться и от успеха — признания современников, и от успеха — победы своих убеждений, он может проиграть, его будут чтить за его слова, «готовые», как сказал Маяковский, «и к смерти и к бессмертной славе»³⁶, в отличие от политика, которого судят по выигрышу, по успеху его дел. Тут уместно вспомнить позднейший завет Пастернака: «Но пораженья

³⁵ Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. С. 51–52.

³⁶ Некоторые выражения в книге М.Б. Вольфсона ведут и к образу Победоносикова в «Бане». Обычно в качестве прототипов указывают очевидных Л. Троцкого и А. Луначарского. Мы же включили в этот ряд и корреспондента Мандельштама (Кацис Л. Опыт комментирования окказиональных «советизмов» Владимира Маяковского // Маяковский продолжается: Сб. научных статей и публикаций архивных материалов. Вып. 3. М., 2016. С. 151–155).

от победы / Ты сам не должен отличать». Поэтому слава венчает умерших в бесславии поэтов, но лишь очень редко — отверженных политиков. Поэт может отречься от сказанного им, как отрекся от своей инвективы Мандельштам в «Стансах» и в палинодии «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...», это не вредит ему. Отречение в поэзии — всего лишь риторический прием «двуголосости», «двуполости», о которой Мандельштам писал в очерке «Франсуа Виллон»: «Лирический поэт, по природе своей, — двуполое существо, способное к бесчисленным расщеплениям ради внутреннего диалога». Ахматова, первоклассный литературовед, что бы ни говорили ее критики, не верившие в «тайны ремесла», оставила самое глубокое, честно полемическое и полезное наблюдение о том, как построена поэтика идей у Мандельштама. Его сохранил П.Н. Лукницкий в своем дневнике 8 июля 1926 г.: «Говорила о статье Мандельштама “Жак родился и умер”»: “Прекрасная статья, дышит благородством”. АА говорила, что не может понять в Осипе одной характерной черты: статья по благородности превосходна, но в ней Мандельштам восстает прежде всего на самого же себя, на то, что он сам делал, и больше всех. То же с ним было, когда он восстал на себя же, защищая чистоту русского языка от всяких вторжений других слов, восстал на свою же теорию, идею об итальянских звуках и словах в русском языке (его стихотворение “Итальянские арфы”). Трудно будет его биографу разобраться во всём этом, если он не будет знать этого его свойства — с чистейшим благородством восстать на то, чем он сам занимался, или что было его идеей».

Так (разумеется, не только так, но в первую очередь так) объясняется истинный поэтический пыл, осязаемый во многих строках позднейших покаянных стихотворений Мандельштама»³⁷.

Сам Омри Ронен сопоставлял эту ситуацию с тем, что Мандельштам мог быть информирован об антисталинской «платформе Рютинана». Не будем обсуждать это предположение. Достаточно того, как оно включается во все те события, которые мы здесь описали с чисто политической точки зрения. Нам представляется, что биография поэта должна быть документом истории, основанном на соответствующих источниковедческих приемах и методах, на максимальном объеме документов и т.д. И в этой ситуации даже замечательные сами по себе мемуары его вдовы являются лишь позднейшим источником, одним из многих, а в ряде случаев являются просто заведомо недостоверным источником (по Ю.М. Лотману). И эта «заведомость»

³⁷ Ронен О. Слава // Звезда. 2006. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/7/ro16.html> (дата обращения: 9.07.2019).

вытекает как раз из всепоглощающей любви Н.Я. Мандельштам к своему мужу.

Что же касается «платформы Рютина», то имя Бухарина здесь тоже всплывало. Вот строки из предсмертного письма Бухарина к Сталину от 10 декабря 1937 г., где он касается обстоятельств 1932 г.:

Я не могу уйти из жизни, не написав тебе этих последних строк, ибо меня обуревают мучения, о которых ты должен знать.

1. Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии.

2. Перебирая всё в уме, насколько я способен, я могу, в дополнение к тому, что я говорил на пленуме, лишь отметить:

а) что когда-то я от кого-то слышал о выкрике, кажется, Кузьмина, но никогда не придавал этому никакого серьезного значения — мне и в голову не приходило;

в) что о конференции, о которой я ничего не знал (как и о рютинской платформе), мне белло, на улице, *post factum*, сказал Айхенвальд («ребята собирались, делали доклад»), — или что-то в таком роде, и я тогда это скрыл, пожалев «ребят»;

с) что в 1932 году я двурушничал и по отношению к «ученикам», искренне думая, что я их приведу целиком к партии, а иначе оттолкну. Вот и всё. Тем я очищаю свою совесть до мелочей. Всё остальное или не было, или, если было, то я об этом не имел никакого представления.

Я на пленуме говорил, таким образом, сущую правду, только мне не верили. И тут я говорю абсолютную правду: все последние годы я честно и искренно проводил партийную линию и научился по-умному тебя ценить и любить.

3) Мне не было никакого «выхода», кроме как подтверждать обвинения и показания других и развивать их: либо иначе выходило бы, что я «не разоружаюсь»³⁸.

В примечании к этому документу указывается, что на очной ставке в ЦК ВКП(б) 13 января 1937 г. между В. Астровым и Н. Бухариным Сталин высказал предположение, что автором рютинской платформы был Бухарин. Не имеет значения, так это или не так, но в круг людей, обсуждавших подобные темы, Мандельштам входил. Недаром Пастернак назвал «Мы живем, под собою не чуя страны...» самоубийством, в котором он принимать участие отказывается.

³⁸ Предсмертное письмо Бухарина. URL: <http://stalinism.ru/dokumentyi/predsmertnoe-pismo-buharina.html> (дата обращения: 9.07.2019).

Вернемся к «Уленшпигелевскому» скандалу и Вольфсону. В любом случае, сама грандиозность обычного, в сущности, переводческого происшествия явно заставляет нас искать те пружины, которые связаны скорее с крупнейшими политическими деятелями конца 1920-х гг., чем со взаимоотношениями писателей между собой. Так или иначе, включение в этот контекст имени и сочинений М.Б. Вольфсона не только позволяет наметить пути дальнейших исследований «Дела Уленшпигеля» уже в ЦКК, но и существенно удлиняет и углубляет историю контактов Мандельштама с этим небезынтесным персонажем советской политической сцены первой трети XX в. Поэтому и его гибель в 1932 г. представляется нам важной для понимания того, как «чуял страну» Мандельштам к этому моменту и после него.

Так нам видятся на сегодня взаимоотношения Мандельштама с Вольфсоном в связи со всей сложнейшей историей переводческой деятельности Мандельштама. Однако имени Вольфсона нет в важнейшем источнике по интересующей нас проблеме — книгах Н.Я. Мандельштам.

Позволим себе одно жесткое предположение, которое нельзя сделать, если не учитывать ту конкретную политическую ситуацию, сложившуюся в стране и напрямую касавшуюся тех персонажей советской политической истории, которых мы здесь упоминали. Мы имеем в виду предельно конкретный исторический комментарий к первой строке стихотворения Осипа Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...».

Судя по всему, к ноябрю 1933 г. создалась ситуация, когда Мандельштам перестал «чуять страну» своей. Действительно, Мирон Вольфсон погиб 22 мая 1932 г.; Владимир Нарбут с 1928–1929 гг. был уже не актуален в качестве руководителя издательского дела; Леопольд Авербах, Генеральный секретарь ВАПП в 1926–1932 гг., — к этому моменту еще, конечно, соредатор книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (1934) и редактор горьковской серии «История фабрик и заводов», но это уже совсем не то, когда еще в очень близком к 1 сентября 1931 г. после «Уленшпигелевского» скандала он просил Л. Кагановича и П. Постышева о выделении квартиры Мандельштаму. И это было чуть больше, чем за год до всех событий, определивших его дальнейшую жизнь. На наш взгляд, это был один из поводов написания стихов «Еще далеко мне до патриарха...». И сюда же включается арест Давида Ангерта 18 января 1931 г., которого мы упоминали в самом начале рядом с Вольфсоном как человека, который давал работу Мандельштаму.

А главный покровитель Мандельштама, который в 1934 г. напишет об аресте поэта Сталину, тоже шел в своей политической карьере по нисходящей: 17 ноября 1929 г. он был выведен из Политбюро ЦК. Вскоре поддерживавшие позицию Бухарина члены Коммунистического Интернационала, возглавляемые выходцами из американской компартии, были исключены из Коминтерна, образовав «Международную коммунистическую оппозицию». Но сам Бухарин уже через неделю признал свои ошибки и заявил, что будет вести «решительную борьбу против всех уклонов от генеральной линии партии и, прежде всего, против правого уклона». На XVII съезде ВКП(б) (1934) он заявил: «Обязанностью каждого члена партии является сплочение вокруг товарища Сталина как персонального воплощения ума и воли партии». В 1934 г. Бухарин переведен из членов в кандидаты в члены ЦК ВКП(б). В 1929–1932 гг. являлся членом Президиума ВСНХ СССР, заведующим научно-техническим управлением, с 1932 г. членом коллегии Наркомата тяжелой промышленности СССР. В 1931–1936 гг. он был издателем научно-популярного и общественного журнала «Социалистическая реконструкция и наука» («СоРеНа»), одним из редакторов и участником первого издания БСЭ. То есть был вполне рядом с М.Б. Вольфсоном.

К 1929–1932 гг. относится и еще один эпизод, который не принято обсуждать в рамках поэтической биографии Мандельштама, но который может иметь значение в так называемой номенклатурной (по не очень удачной стилистически, но в целом верной терминологии Л. Максименкова³⁹): «Повторяем, что Мандельштам был номенклатурным поэтом. Его имя было включено в список-реестр, который был подан Сталину в момент создания оргкомитета ССП в апреле 1932 года и который вождь со вкусом главного кадровика огромной страны исчеркал характерными цифрами, стрелками и фамилиями кандидатов.

В части списка, заключительной по месту, но не по политическому значению, состоявшей из 58 “беспартийных писателей”, были имена Пастернака, Бабеля, Платонова, Эрдмана, Клюева и Мандельштама. Причем в скобках указывались крамольные произведения; по некоторым из них были приняты решения “директивных органов”. Фамилий Михаила Булгакова, Анны Ахматовой и Михаила Кузмина в этом списке не было. Список был охранной грамотой. В условиях византийского значения списков для России Осипа Эмильевича

³⁹ Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932—1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/maksim.html> (дата обращения: 9.07.2019).

можно было считать реальным членом номенклатуры ССП образца 1932 года. Отныне нельзя было просто так арестовывать упомянутых в списке поэтов и писателей»⁴⁰.

Пастернак и Бабель попали на съезд и выступили там. Более того, Пастернак чуть ли не до истории с «Доктором Живаго» оставался и членом правления Союза советских писателей, так как Второй съезд писателей состоялся только через двадцать лет в декабре хрущевского 1954 г. Но нас интересует сейчас другая проблема. Съезд, намеченный предварительно на 1933 г., когда у Мандельштама еще всё было относительно неплохо, был отложен из-за событий 1 мая 1933 г., которые тот же Максименков описывает так: «На литфронте до весны тридцать третьего наступило затишье. Но на первомайском приеме в Кремле произошел новый инцидент. Конферансье в присутствии Сталина прочитал несколько басен. Вождь был вынужден ответить. Отвечал он всегда иносказательно, медленными байками, с метафорами и аллегориями. Сегодня понять с полной однозначностью, что именно его ранило или задело, не так легко. Официально Сталин свое негодование сформулировал так:

“Сегодня конферансье говорил, что он за свои слова не отвечает и что в искусстве на сегодня мы догнали Запад и что уже некого догонять. Я не хочу говорить, что он издевался над великим лозунгом Ленина — “догнать и перегнать”, — но нельзя завоеванные кровью достижения партии и рабочего класса, советской власти обличать (так в документе. — *Л.М.*) в игру или говорить игриво, за это я в претензии”.

Конферансье (по легенде это был Качалов, который прочитал басни Эрдмана, Масса и Червинского) играл роль полубессознательного медиума, рупора и громкоговорителя, озвучивавшего содержание текста, который ему коварно подсовывали другие. Виновниками антисоветской выходки оказывались писатели. Текст, литература приводили к логичному политическому выводу о неблагоприятном положении в Союзе писателей, если, конечно, такие “писатели” считали этот союз своим. Немедленно последовал перенос даты съезда и кадровые перестановки в самом оргкомитете»⁴¹.

Съезд состоится только в конце лета 1934 г., за несколько месяцев до убийства С.М. Кирова, сменившего весь политический пейзаж

⁴⁰ От опеки до опалы: Как Осип Мандельштам не стал советским писателем / Архивные разыскания Леонида Максименкова. URL: <http://kommersant.ru/doc/2889449> (дата обращения: 9.07.2019).

⁴¹ Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932—1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/maksim.html> (дата обращения: 9.07.2019).

страны, и через три месяца после ареста Мандельштама 17 мая 1934 г. Здесь, возможно, важно, что Бухарин стал главным редактором «Известий» уже через три месяца после написания «Мы живем, под собою не чуя страны...». Это дает возможность сделать предположение, что в новой ситуации 1934 г. крамольного стихотворения могло бы и не быть. Ведь тогда наступала очень краткая «оттепель» 1933–1934 гг., как назвал этот период Л. Флейшман, посвятивший ей специальную главу в цитированной книге.

В заключение обратим внимание на один очень трудночитаемый документ, который, однако, получает некоторое новое освещение на фоне сказанного здесь. Это сообщение осведомителя ОГПУ лета 1933 г.: «На днях вернулся из Крыма Мандельштам. Настроение его резко окрашено в антисоветские тона. Он взвинчен, резок в характеристиках и оценках, явно нетерпим к чужим взглядам. Резко отгородился от соседей, даже окна держит закрытыми со спущенными занавесками». Далее сообщаются сведения, которые имеют прямое отношение к творчеству и биографии Мандельштама: «Его очень угнетают картины голода, виденные в Крыму...»⁴². Результатом этого явились стихи «Холодная весна, голодный старый Крым...», которые в итоге он записал на допросе после ареста 1934 г. вместе с «Мы живем, под собою не чуя страны...».

Там же осведомитель сообщает о неизвестной нам новой («вновь») идее писать т. Сталину. И связано это с тем, что «старые его огорчения (побой, травля в связи с «плагиатом») не нашли сочувствия ни в литературных кругах, ни в высоких сферах»⁴³. Нетрудно видеть, что последние слова далеко не полностью соответствуют реальности и конкретным поступкам Мандельштама в 1929 — начале 1933 г., но к концу лета 1933 г. всё, связанное со старым «чужием под собою страны», явно закончилось, и надо было едва ли не по примеру постоянного корреспондента Сталина М.А. Булгакова рассуждать о возможности невозможного побега за границу. «Высокие сферы» больше своими для Мандельштама не были. Да и «речи» стали «за десять шагов не слышны». Теперь «за древней каменной стеной» говорил один «человек-деянье», как назвал его Борис Пастернак в стихах 1936 г., написанных по просьбе Бухарина и в благодарность за спасение Мандельштама. Перемещение Мандельштама после письма Бухарина Сталину из Чердыни в Воронеж ненадолго

⁴² Berelowitch A. Les Ecrivains vus par l'OGPU // Revue des Etudes Slaves. 2001. Vol. LXXIII. № 4: La littérature soviétique aujourd'hui. P. 626–627.

⁴³ Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 184–185.

отсрочило развязку. И быть может, некоторым объяснением необъяснимого сталинского чуда была как раз цитированная записка осведомителя ОГПУ, где именно Сталин оставался единственным адресатом неизвестных нам писем. Именно здесь начиналась та «дорога к Сталину не сказка, / А только путь без укоризн», которая привела к мандельштамовской «Оде» Сталину.

Разумеется, политическая биография поэта не обязана в точности отражаться в его стихах. Однако в случае Мандельштама это оказалось именно так. И здесь уже дело читателя и исследователя выбрать: идти к пониманию жизни поэта от его стихов и воспоминаний его вдовы или, наоборот, попытаться понять время глазами поэта, оставив мемуарам место одного из далеко не самых достоверных источников.

Литература

Динерштейн Е. Вольфсон М.Б. // Книга: энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 144.

Кацис Л. «Летопись жизни и творчества» О. Мандельштама: от факта к вымыслу // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 126–160.

Кацис Л. «Летопись жизни и творчества» Осипа Мандельштама: от факта к вымыслу. Доп. 1 // Вопросы литературы. 2015. № 1 (спец. вып.). С. 19–26.

Кацис Л. Опыт комментирования окказиональных «советизмов» Владимира Маяковского // Маяковский продолжается: сборник научных статей и публикаций архивных материалов. Вып. 3. М.: Государственный музей Маяковского, 2016. С. 143–163.

Кацис Л. Осип Мандельштам в «Вечерней Красной газете» 1925–1929 гг.: от еврейского театра до анонимных аннотаций // Корни, побег, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве. Ч. 1. М.: РГГУ, 2015. С. 174–210.

Кацис Л. Осип Мандельштам между «Вечерним Киевом» и ленинградским «Резцом» (1927–1929). О реальных источниках стихов и прозы поэта // Вопросы литературы. 2018. № 6. С. 309–367.

Кацис Л. Роман Б. Лекаша «Радан Великолепный» в переводе О. Мандельштама и русско-немецко-французский контекст (к проблеме сравнительного описания русско-еврейской и франко-еврейской литератур) // Сравнительно о сравнительном литературоведении: транснациональная история компаративизма: коллективная монография по материалам русско-французских колоквиумов 6–7 октября 2009 года и 3–4 октября 2011 года. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 452–463.

Кацис Л. Сизифу от «Камня»: несколько слов в ответ на письмо о моей рецензии // Вопросы литературы. 2015. № 1 (спец. вып.). С. 12–19.

Кубатьян Г. Место армянской темы в творчестве Мандельштама (Уроки Армии) // Вестник Ереванского государственного университета. Общественные науки. 1989. № 6. С. 19–20.

Мец А. Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. 3-е изд., испр. и доп. Интернет-издание 2019. URL: https://imwerden.de/pdf/mandelshtam_letopis_zhizni_i_tvorchestva_3_izd_2019.pdf (дата обращения: 9.07.2019).

Михайлов А.Д., Нерлер П.М. Примечания // Мандельштам О. Путешествие в Армению. URL: http://apsnyteka.org/1252-mandelsham_o_puteshestvie_v_armeniju.html (дата обращения: 9.07.2019).

От опеки до опалы: как Осип Мандельштам не стал советским писателем / Архивные разыскания Леонида Максименкова. URL: <http://kommersant.ru/doc/2889449> (дата обращения: 9.07.2019).

Ронен О. Слава // Звезда. 2006. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/7/ro16.html> (дата обращения: 9.07.2019).

«Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг.: документы / сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. 319 с.

Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб.: Академический проект, 2005. 655 с.

Хлевнюк О. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.

Berelowitch A. Les Ecrivains vus par l'OGPU // *Revue des Etudes Slaves*. 2001. Vol. LXXIII. № 4: La littérature soviétique aujourd'hui. P. 619–636.

References

Berelowitch A. Les Ecrivains vus par l'OGPU. *Revue des Etudes Slaves*, 2001, vol. 73, no. 4, La littérature soviétique aujourd'hui, pp. 619–636. (In French.)

Dinershtein E. Vol'fson M.B. *Kniga: entsiklopediia* [Book: Encyclopedia]. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1999, p. 144. (In Russ.)

Fleishman L. *Boris Pasternak i literaturnoie dvizheniie 1930-kh godov* [Boris Pasternak and the literary movement of the 1930s]. St. Petersburg, Akademicheskii projekt Publ., 2005. 655 p. (In Russ.)

Gershtein E. *Memuary* [Memoirs]. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1998. 537 p. (In Russ.)

Katsis L. "Letopis' zhizni i tvorchestva" O. Mandel'shtama: ot fakta k vymyslu ["Chronicle of O. Mandel'stam's life and work": from fact to fiction]. *Voprosy literatury*, 2015, no. 1, pp. 126–160. (In Russ.)

Katsis L. "Letopis' zhizni i tvorchestva" Osipa Mandel'shtama: ot fakta k vymyslu. Dop. 1 ["Chronicle of O. Mandel'stam's life and work": from fact to fiction. App. 1]. *Voprosy literatury*, 2015, no. 1, special iss., pp. 19–26. (In Russ.)

Katsis L. Opyt kommentirovaniia okkazonal'nykh "sovetizmov" Vladimira Maiakovskogo [Attempt of commenting on Vladimir Mayakovsky's occasional

“Sovietisms”]. *Mayakovskii prodolzhaetsia: sbornik nauchnykh statei i publikatsii arkhivnykh materialov*. [Mayakovsky continues: Collection of scientific articles and publications of archival materials]. Issue 3. Moscow, State Mayakovsky Museum Publ., 2016, pp. 143–163. (In Russ.)

Katsis L. Osip Mandel'shtam mezhdru “Vechernim Kievom” i leningradskim “Reztom” (1927–1929). O real'nykh istochnikakh stikhov i prozy poeta [Osip Mandel'shtam between “Vecherny Kiev” and the Leningrad magazine “Reztets” (1927–1929). On real sources of poet's lyrics and prose]. *Voprosy literatury*, 2018, no. 6, pp. 174–210. (In Russ.)

Katsis L. Osip Mandel'shtam v “Vechernei Krasnoi gazete” 1925–1929 gg.: ot evreiskogo teatra do anonimnykh annotatsii [Osip Mandel'shtam in 1925–1929 “Vechernaya Krasnaya gazeta”: from Jewish theater to anonymous annotations]. *Korni, pobegi, plody... Mandel'shtamovskie dni v Varshave* [Roots, shoots, fruits... Mandel'shtam days in Warsaw]. Part 1. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2015, pp. 174–210. (In Russ.)

Katsis L. Roman B. Lekasha “Radan Velikolepnyi” v perevode O. Mandel'shtama i rusko-nemetsko-frantsuzskii kontekst (k probleme sravnitel'nogo opisaniia rusko-evreiskoi i franko-evreiskoi literatur) [The Novel “Radan the Magnificent” by B. Lekash translated by O. Mandel'shtam and the Russian-German-French context (on the problem of a comparative description of Russian-Jewish and French-Jewish literature)]. *Sravnitel'no o sravnitel'nom literaturovedenii: transnatsional'naiia istoriia komparativizma: kollektivnaia monografiia po materialam rusko-frantsuzskikh kollokviumov 6–7 oktyabrya 2009 goda i 3–4 oktyabrya 2011 goda* [In comparative way on comparative literary studies: A Transnational history of Comparativism: A Collective monograph based on materials from the Russian-French colloquiums on October 6–7, 2009 and October 3–4, 2011]. M.: IWL RAS Publ., 2014, pp. 452–463. (In Russ.)

Katsis L. Sizifu ot “Kamnya”: neskol'ko slov v otvet na pis'mo o moei retsenzii [To Sisyphus from “Stone”: a few words in response to a letter about my review]. *Voprosy literatury*, 2015, no. 1 special iss., pp. 12–19. (In Russ.)

Khlevnyuk O. *Khozyain: Stalin i utverzhenie stalinskoi diktatury* [The Master: Stalin and the approval of the Stalinist dictatorship]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 478 p. (In Russ.)

Kubat'ian G. Mesto armianskoi temy v tvorchestve Mandel'shtama (Uroki Armenii) [The place of the Armenian theme in Mandel'shtam's works (Armenia's lessons)]. *Vestnik Yerevanskogo gosudarstvennogo universitetata. Obshchestvennye nauki*, 1989, no. 6, pp. 19–20. (In Russ.)

Mets A. *Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama* [Chronicle of O.E. Mandel'shtam's life and work], 3rd ed. corr. and add. St. Peterburg, Internet-izdaniye Publ., 2019. Available at: https://imwerden.de/pdf/mandelshtam_letopis_zhizni_i_tvorchestva_3_izd_2019.pdf (accessed 9.07.2019). (In Russ.)

Mikhailov A.D., Nerler P.M. Primechaniia [Notes]. Mandel'shtam O. *Puteshestvie v Armeniiu* [Travel to Armenia]. Available at: http://apsnyteka.org/1252-mandel'shtam_o_puteshestvie_v_armeniju.html (accessed 9.07.2019). (In Russ.)

Ot opeki do opaly: Kak Osip Mandel'shtam ne stal sovetskim pisatelem. Arkhivnyye razyskaniia Leonida Maksimenkova [From custody to disgrace: How Osip Mandel'shtam did not become a Soviet writer. Leonid Maksimenkov's archival research]. Available at: <http://kommersant.ru/doc/2889449> (accessed 9.07.2019). (In Russ.)

Ronen O. Slava [Glory]. *Zvezda*, 2006, no. 7. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/7/ro16.html> (accessed 9.07.2019). (In Russ.)

“*Schast'ye literatury*”. *Gosudarstvo i pisateli. 1925–1938 gg.: dokumenty* [“The happiness of literature”. State and writers. 1925–1938: Documents], comp. D.L. Babichenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 319 p. (In Russ.)

The problem of revealing political reality in Osip and Nadezhda Mandelshtam's documents concerning M. Volfson, V. Narbut, N. Bukharin

© 2019, Leonid Katsis

Abstract: The work is devoted to the analysis of Osip Mandelstam's articles “Streams of hackwork (*khaltura*)” and “On translations” in the broad literary and political context of the 1920–1930s. The author suggests comparing these articles with the work and publications of the head of the conscientious political censorship Miron Volfson (1880–1932), a member of the board and editor-in-chief of the Gosizdat (State Publishing House), whose name appears several times in Mandelstam's letters. Analysis of official contacts that Mandelstam had with the leadership of conscientious ideological bodies and highest Soviet ideological authorities, allows us to shed a new light on the origin and meaning of the Mandelstam's anti-Stalinist “epigram” “We live without feeling the country...” In particular, the author reveals a direct reference to Mandelstam's article “Streams of hackwork” in Volfson's 1929 book “The Ways of the Soviet Book”, where the author, on one hand, sums up the NEP period of the Soviet book publishing history, and on the other, sets the task of a new total centralization of book publishing as an important section of the ideological front. The study allows to put the poet's articles “Streams of hackwork” and “On translations”, which at first glance are devoted exclusively to the problem of translation, in political context of the second half of the 1920s and early 1930s. The observations and conclusions based of the analysis give the opportunity to substantially correct the information about this period of Mandelstam's biography, which is contained in the memoirs of his widow N.Ya. Mandelstam.

Keywords: Osip Mandelstam, Nadezhda Mandelstam, Miron Volfson, David Zaslavsky, Vladimir Narbut, political censorship, translations

Information about the author: Leonid Katsis, Doctor Hab. in Literature, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. E-mail: litfact@gmail.com

Citation: Katsis Leonid. The problem of revealing political reality in Osip and Nadezhda Mandelshtam's documents concerning M. Volfson, V. Narbut, N. Bukharin. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 310–341. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-310-341